

А.Ф. Кони

Судебные речи

1868-1888

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
К64

К64 **Кони А.Ф.**
Судебные речи: 1868-1888 / А.Ф. Кони – М.: Книга по Требованию, 2024. – 754 с.

ISBN 978-5-517-83624-3

Судебные речи, 1868-1888. Обвинительные речи; руководящие напутствия присяжным; кассационные заключения

ISBN 978-5-517-83624-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

догматики римскаго права онъ велъ сравнительно съ германскимъ и русскимъ правомъ, стараясь прослѣдить, съ глубокою наблюдательностью и вдумчивостью, вліяніе каждаго римскаго института на дальнѣйшее развитіе права въ Европѣ, стараясь изучить и указать отдаленные слѣды его въ новѣйшихъ юридическихъ формахъ. Слушатели послѣднихъ годовъ его преподаванія, безъ сомнѣнія, не забыли его блестящихъ очерковъ наследственнаго права и, особенно, теории сервитутовъ.

«Все, что говорилъ Крыловъ съ кафедры, было всегда связано съ явленіями русской жизни и примѣняемо къ ней въ рядѣ примѣровъ и сравненій, нерѣдко очень глубокихъ, всегда очень остроумныхъ. Предъ слушателями былъ не кабинетный ученый, преподающій отвлеченное отъ современной жизни знаніе, — предъ ними былъ живой человѣкъ, любившій свое, родное, вѣрившій въ его способность къ совершенствованію на пути правового развитія и никогда не забывавшій ни этой любви, ни этой вѣры, уходя въ даль прошедшихъ вѣковъ и чужихъ учрежденій. И слушатели это понимали. Они охотно забывали замѣчанія знатоковъ, что Крыловъ *отсталъ* въ мелочной разработкѣ отдѣльныхъ вопросовъ своей науки, въ чемъ бывшій ученикъ Савиньи самъ нерѣдко прямодушно сознавался, указывая на невѣрность своихъ прежнихъ взглядовъ; они не хотѣли помнить, что ему были однажды, — и притомъ въ формѣ, весьма его оскорбившей, — указаны нѣкоторыя его техническія и филологическія ошибки, — они помнили, они видѣли, что предъ ними человѣкъ любящій то, о чемъ онъ говоритъ, чувствующій то, что онъ высказываетъ, и связывающій ихъ съ собою невидимою, но живою нравственною связью. Они наполняли его аудиторію, съ любовью записывали его лекціи, съ особеннымъ вниманіемъ издавали его записки (одно изданіе было даже съ его портретомъ) и, выслушавъ на послѣдней лекціи горячее, сердечное напутствіе его въ предстоящую жизнь трудовой разработки и примѣненія права, провожали своего «Никиту» съ глубокимъ и нѣжнымъ уваженіемъ.

«Послѣ труднаго и подчасъ весьма строгаго экзамена у Крылова, слушатели его расходились по разнымъ житейскимъ дорогамъ. Но когда проходили годы, стиравшіе подробности знаній, вынесенныхъ изъ университета, и приходилось вдругъ встрѣтиться на практикѣ съ коренными вопросами права, эти вопросы не представлялись чуждыми или неясными. Основныя понятія права, отличительные признаки отдѣльныхъ правовыхъ институтовъ оказывались не забытыми, и не забытыми потому, что жили въ па-

мяти, намѣченные въ твердыхъ, художественныхъ, незабываемыхъ, образахъ—Крыловымъ. И возставалъ въ памяти его собственный образъ, какъ возстаетъ онъ теперь предъ нами, въ настоящую скорбную минуту, и къ уваженію присоединялось чувство искренней благодарности наставнику, чувство, диктовавшее въ день св. Татьяны (основаніе университета) сочувственныя телеграммы старому профессору изъ разныхъ уголковъ Россіи.

«Миръ праху твоему, нашъ дорогой, талантливый учитель! Хотя давно замолкла твоя рѣчь на кафедрѣ, но горько думать, что тебя нѣтъ совсѣмъ, что въ день университетскаго праздника ты не задумаешься болѣе, въ твоёмъ тихомъ московскомъ уголкѣ, надъ привѣтомъ твоихъ бывшихъ учениковъ...»

Обнародованіе, въ 1864 году, судебныхъ уставовъ было встрѣчено Крыловымъ съ сердечною радостью. Онъ видѣлъ въ новыхъ судебныхъ учрежденіяхъ стройную организацію для «отысканія и присужденія», какъ онъ выражался, «правды *жизненной* взамѣнъ правды *приказной*»; онъ особенно пытливо вглядывался въ будущій складъ новаго уголовного процесса, а когда уставы были введены въ дѣйствіе— живо интересовался дѣятельностью своихъ слушателей на судебномъ поприщѣ.

Вотъ почему одинъ изъ такихъ слушателей, собравъ воедино отголоски своей дѣятельности на этомъ поприщѣ, съ благодарнымъ чувствомъ обращается къ памяти Крылова и ставитъ его имя на первой страницѣ настоящей книги.

А. Кони.

1888 г., 28 января.
С.-Петербургъ.

ОБВИНИТЕЛЬНЫЯ РЪЧИ.

I.

По дѣлу объ утопленіи крестьянки Емельяновой ея мужемъ.

6-го ноября 1872 года въ С.-Петербургскомъ Столичномъ Сѣздѣ Ми-
ровыхъ Судей состоялся приговоръ, которымъ служащій номернымъ при
баняхъ купца Соловьева, на Маломъ проспектѣ Петербургской стороны,
крестьянинъ Егоръ *Емельяновъ* былъ присужденъ, за нанесеніе побоевъ сту-
денту Смиренскому, къ аресту на семь дней.— Приговоръ этотъ былъ обра-
щенъ къ исполненію 13-го ноября.—14-го ноября, въ 10 часовъ вечера,
Емельяновъ явился, вслѣдствіе сдѣланныхъ наканунѣ настояній полиціи, въ
управленіе 2 уч. Петербургской части и въ одиннадцать часовъ заключенъ
подъ стражу при полицейскомъ домѣ этой части. Придя въ участокъ, онъ
объяснилъ на вопросы околоточнаго надзирателя Григорьева, что его про-
водила жена, которая осталась въ корридорѣ участковаго помѣщенія. При
этомъ другой околоточный, Фурыгинъ, замѣтилъ, что Емельяновъ былъ про-
тивъ обыкновенія красенъ.

На разсвѣтѣ 15-го ноября, на двѣ рѣчки Ждановки, протекающей невда-
лекѣ отъ бань, гдѣ жилъ и служилъ Емельяновъ, въ предѣлахъ мѣстности,
занимаемой такъ называемымъ Кадетскимъ паркомъ, усмотрѣнъ трупъ не-
извѣстной женщины, одежда которой всплывала на поверхность воды. Мѣст-
ные жители признали въ ней жену Емельянова, Лукерью Фролову, а по
осмотру и вскрытію тѣла ея оказалось, что смерть ей,— женщиной лѣтъ два-
дцати отъ роду и крѣпкого, здороваго тѣлосложенія,— послѣдовала отъ заду-
шенія вслѣдствіе утопленія. Въ смерти Фроловой усмотрѣно было самоубій-
ство, могшее послѣдовать, согласно объясненіямъ Емельянова, отъ грусти
при предстоявшей ей семидневной разлукѣ съ недавно женившимся мужемъ,
и тѣло Лукерьи было предано землѣ, причемъ для присутствованія при ея
похоронахъ Емельяновъ былъ отпущенъ изъ-подъ стражи.

18-го ноября мѣстной полиціи было сообщено, что между прислугою про-
живающей около бань Соловьева, въ домѣ Орловскаго, вдовы Юрьевой,
идеть «говоръ» объ утопленницѣ. Изъ произведенныхъ полиціею вслѣдствіе
этого разспросовъ оказалось, что крестьянка Аграфена Сурина, живущая
у Юрьевой, знаетъ, что Лукерья Фролова не утопилась, а была утоплена
своимъ мужемъ вечеромъ 14-го ноября.

При начатомъ затѣмъ слѣдствіи обнаружилось, что Емельяновъ, служа у купца Соловьева въ баняхъ, вступилъ въ связь съ проживавшею въ услуженіи у Юрьевой Аграфеною Суриною. Связь эта, несмотря на то, что, по словамъ Суриной, Емельяновъ обходился съ нею «дерзко» и «какъ палачь» — продолжалась два года и была известна всѣмъ окружающимъ. Какъ сосѣди — Емельяновъ и Сурина имѣли возможность часто встрѣчаться. Емельяновъ, — по словамъ прикащика бань Сазонова, — человѣкъ своенравный и, будучи «больно озорнымъ», съ другими молодцами при баняхъ жилъ не въ ладу, но ничего никогда не пилъ и служилъ хорошо. Въ концѣ августа Егоръ Емельяновъ, неожиданно для Суриной, предложилъ вступить съ собою въ бракъ крестьянкѣ Лукерьѣ Фроловой, женщиной тихой, скромной и неразговорчивой, сосѣдкѣ Суриной, проживавшей въ томъ же домѣ, у артельщика Одинцова. Фролова согласилась послѣ увѣреній Емельянова, что онъ броситъ связь съ Суриною, причемъ онъ, въ разговорѣ съ сестрою Лукерьи, призывалъ на себя проклятіе, если вновь сойдется съ Аграфеною. 5-го сентября было ихъ обрученіе, о которомъ узнала и Аграфена. Предъ вѣнчаніемъ, 6-го сентября, она явилась къ священнику церкви Николая Мокраго и заявила ему, что, бывъ два года въ связи съ Егоромъ Емельяновымъ, она имѣетъ препятствія ко вступленію его въ бракъ съ другою. Священникъ приостановилъ совершеніемъ бракосочетанія впредь до примиренія Аграфены съ Емельяновымъ, каковое и состоялось на условіи, что онъ уплатитъ ей 50 р. с., которые были имъ взяты заимообразно у прикащика Сазонова. На другой день послѣ брака Сазоновъ спросилъ Емельянова про новобрачную: «какова?» стояла ли пятидесяти рублей?» на что тотъ отвѣчалъ: «да, стояла!» — По мнѣнію сестры Лукерьи, Марьи Фроловой, и по наблюденіямъ ея надъ бѣльемъ новобрачной и надъ ея предшествовавшимъ поведеніемъ, покойная Лукерья вступила въ супружество съ Емельяновымъ, сохранивъ свою дѣвическую чистоту. Первое время новобрачные жили согласно и не ссорясь; служа у Одинцова, Лукерья по вечерамъ уходила къ мужу въ бани, а чрезъ мѣсяцъ послѣ брака совершенно туда переселилась. Но уже чрезъ недѣлю послѣ свадьбы, встрѣтаясь съ Аграфеною, Емельяновъ сталъ со слезами говорить ей, что жена ему не правится, такъ какъ онъ «бралъ дѣвку, а вышла баба». Затѣмъ онъ сталъ уговаривать ее возобновить съ нимъ прежнюю жизнь. «Чего пристаешь ко мнѣ, Егоръ», отвѣчала ему Аграфена, — «я вашего закона нарушать не хочу». Но Емельяновъ, встрѣчаясь съ нею, постоянно продолжалъ просить ее возобновить прежнія отношенія, то угрожая ей, то обѣщаясь впоследствии на ней жениться. Наконецъ, она уступила его желанію и, 8-го ноября, вечеромъ, сойдясь съ Емельяновымъ у Мытнаго перевоза, отправилась съ нимъ въ номеръ Зоологической гостиницы, гдѣ прежнія отношенія ихъ были возобновлены. Находясь вмѣстѣ съ Аграфеною въ номерѣ, Емельяновъ очень раскаявался, что измѣнилъ ей, женившись на Лукерьѣ. На другой день, объявляя Аграфенѣ, что ему предстоитъ сѣсть подъ арестъ на семь дней, онъ сказалъ ей, что безъ того не сядетъ, *что Лукерья у него больше не будетъ*. Съ этого же времени и отношенія Емельянова къ женѣ измѣнились. Лукерья стала жаловаться сестрѣ своей, что Егоръ грубо съ нею обращается, говоритъ и отвѣчаетъ на вопросы, по ея словамъ, «дерзко». Она подозрѣвала, что связь мужа съ Аграфеною Суриною возобновилась и поэтому довольно часто ссорилась съ нею и бранилась. Емельяновъ продолжалъ видаться съ Суриною, вызывая ее на свиданія по вечерамъ, когда жена уже спала, разговаривалъ съ нею на улицѣ и даже цѣловался при двухъ публичныхъ женщинахъ, которыхъ онъ приводилъ гостямъ въ номера. 14-го ноября Лукерья снова жаловалась сестрѣ на дурное обращеніе мужа, рассказывая, что онъ сталъ драться и въ ночь наканунѣ даже сказалъ ей: «тебѣ бы въ Ждановку», на что она отвѣчала: «какъ хочешь, Егоръ, но сама на себя я рукъ не наложу». По поводу предстоявшаго ареста мужа Лукерья не гру-

стила и относилась къ этому обстоятельству равнодушно. Вечеромъ 14-го числа, увидя Аграфену шедшею за молокомъ, Емельяновъ сказалъ ей, что идучи подъ арестъ, онъ зайдетъ къ ней, подъ предлогомъ прощанья съ сестрою жены, съ тѣмъ, чтобы она шла его провожать. При этомъ онъ прибавилъ, что жена также идетъ его провожать и что пойдеть по набережной Ждановки. За чѣмъ по набережной? спросила Аграфена. Емельяновъ не отвѣчалъ. Среди вечера въ бани пришла мать Емельянова и застала его играющимъ въ карты. Лукерья была тутъ же. На головѣ ея былъ надѣтъ бѣлый шерстяной платокъ, подаренный свекровью. Узнавъ, что сынъ долженъ идти подъ арестъ, мать Емельянова встревожилась и стала просить его дозволить проводить себя до участка. Сынъ не согласился и она ушла домой. Но дома ей не «сидѣлось» и она опять пошла въ бани Соловьева и вновь просилась у сына проводить его. Онъ отказалъ и, проводивъ мать до Большого проспекта, вернулся назадъ въ бани. Въ десятомъ часу Емельяновъ собрался въ участокъ и приказалъ женѣ идти себя провожать. Она исполнила это требованіе видимо неохотно и только послѣ того, какъ онъ раза три окликнулъ ее: «идешь что-ли?» она молча пошла за нимъ. Въ десятомъ же часу Емельяновъ постучалъ въ окно кухни г-жи Юрьевой, гдѣ Аграфена сидѣла съ кухаркою Анною Николаевою и шила платье и сказалъ: «выходи!» Потомъ онъ повторилъ свой зовъ и Аграфена одѣлась и ушла. На другой день новая кухарка, Дарья Гаврилова, служившая у Юрьевой и знавшая Сурина, приходя нѣсколько разъ въ прачешную, гдѣ послѣдняя стирала бѣлье, замѣтила, что она была какъ-то взволнована, точно помѣшанная. Аграфена не разъ спрашивала:—не видала ли она, Дарья, Лукерью и затѣмъ, наконецъ, спросила: не видала ли она, чтобы провезли утопленницу? Вечеромъ въ кухню пришла прежняя кухарка Анна Николаева и объявила, что Лукерью нашли въ Ждановкѣ и провезли въ часть. Всѣ были изумлены. Аграфена встрѣтила это извѣстіе хладнокровно и молча. На другой день, за обѣдомъ, Дарья потихоньку внезапно спросила Аграфену: «неужели она съ Егоромъ утопили Лукерью?» Аграфена долго запералась, но потомъ, сказавъ: «да! Егоръ тискалъ ее, а я поодаль стояла и вдругъ услышала, что Лукерья кричитъ...» и созналась Дарьѣ въ томъ, что Лукерью утопилъ Егоръ Емельяновъ, о чемъ она хотѣла объявить чрезъ недѣлю.

Аграфена Сурина, на разспросы судебного слѣдователя и въ судебномъ засѣданіи подтверждая признаніе, сдѣланное ею Дарьѣ, показала, что, вызвавъ ее изъ дому, Егоръ Емельяновъ вышелъ изъ воротъ первый и тотчасъ перебѣжалъ на набережную Ждановки. Она, Аграфена, пошла по другой сторонѣ, вдоль домовъ и замѣтила, что Егоръ идетъ съ Лукерьею, у которой на головѣ былъ повязанъ бѣлый платокъ. Пройдя нѣсколько домовъ, Аграфена почувствовала страхъ и остановилась у дома Этингера, не рѣшаясь слѣдовать за Егоромъ, и вдругъ услышала крикъ Лукерьи, которая просила мужа пустить ее. Подбѣжавъ на крикъ, она увидѣла, что Егоръ барахтается на откосѣ набережной съ Лукерьею, схвативъ ее за горло. Испугавшись, Аграфена схватилась за обоихъ, но Егоръ крикнулъ ей, чтобы она не мѣшала, пригрозивъ, что и ей то же самое будетъ. Держа жену за горло, Егоръ спрашивалъ ее:—кому продала она свою честь? на что Лукерья отвѣчала, что никому не продавала. Стиснувъ женѣ горло, онъ повалилъ ее и потащилъ къ водѣ, приказавъ свидѣтельница поднятъ свою шапку. Дотащивъ Лукерью до низу, онъ сунулъ ее головою въ воду и сталъ руками придерживать голову подъ водою. Аграфена бросилась бѣжать, но онъ нагналъ ее, взявъ шапку и, нанявъ за сорокъ копѣекъ извозчика до участка, подвезъ свою спутницу до Большого проспекта.

Егоръ Емельяновъ не сознался во взводимомъ на него обвиненіи и объяснилъ, что Аграфена говоритъ ложь, вымышленную ею вслѣдствіе ненависти къ нему за то, что онъ не женился на ней. Онъ отрицалъ также,

что былъ въ связи съ нею послѣ брака съ Лукерьею и видѣлся въ Зоологической гостинницѣ 8-го ноября. Въ этотъ день, по его словамъ, онъ просидѣлъ до 4-хъ часовъ «слушая судъ» въ Мировомъ Съѣздѣ, куда приходилъ, чтобы подать апелляцію, а въ шесть часовъ уже былъ дома. Жена провожала его до участка, и къ Аграфенѣ Суриной, онъ, идучи подъ арестъ, не заходилъ.

Служитель Зоологической гостинницы Ивановъ показалъ, что 8-го ноября Аграфена, между 5 и 6 часами вечера, приходила къ нимъ въ гостинницу съ мужчиною, одѣтымъ по-русски, въ лицо котораго онъ, Ивановъ, не вглядѣлся. Дарья Гаврилова подтвердила это обстоятельство еще тѣмъ, что 8-го ноября, въ 2 часа дня, Аграфена, уходя со двора, сказала, что «идеть съ Егоромъ». Вернулась она часовъ въ шесть.

По осмотру мѣстности происшествія найдено, что отъ угла Малаго проспекта до дома Эттингера, у котораго Аграфена Сурина, по ея словамъ, услышала крикъ Лукерьи, 80 шаговъ,—отъ дома Эттингера до мѣста борьбы Егора съ женою, указаннаго Суриною, 220 шаговъ. Между этимъ мѣстомъ и набережною Ждановки находится, такъ называемый, Кадетскій паркъ. Глубина воды 1½ арш.,—дно видно ясно. Фонарей въ этомъ мѣстѣ нѣтъ. Ближайшіе находятся противъ Малаго проспекта.

Вскрытіемъ трупа Лукерьи, произведеннымъ вторично, обнаружено, что у нея на внутренней поверхности лѣваго плеча и лѣваго бедра находится—на плечѣ 4 кровоподтека, а на бедрѣ 3, величиною ½ дюйма въ діаметрѣ. Кромѣ того, она оказалась беременною, причемъ изъ состоянія матки и описанія плода, сдѣланнаго первоначально вскрывавшимъ трупъ медикомъ, врачи заключили, что беременность Лукерьи продолжалась около двухъ лунныхъ мѣсяцевъ (56 дней).

Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, крестьянинъ Егоръ Емельяновъ былъ преданъ суду по обвиненію въ томъ, что, задумавъ лишить жизни жену свою, привелъ это намѣреніе въ исполненіе на берегу рѣчки Ждановки, для чего, схвативъ жену свою за горло и поваливъ на землю, стащилъ ее къ водѣ и утопилъ, т. е. совершилъ преступленіе, предусмотрѣнное 1451 ст. Улож. о Наказ.

Дѣло это разбиралось въ Петербургскомъ Окружномъ Судѣ 12-го декабря 1872 года съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Защищалъ подсудимаго присяжный повѣренный *Спасовичъ*.

Приговоромъ присяжныхъ, подсудимый признанъ виновнымъ въ убійствѣ жены, съ заранѣе обдуманномъ намѣреніемъ.

Гг. судьи, гг. присяжные засѣдатели! Вашему разсмотрѣнію подлежатъ самыя разнообразныя по своей внутренней обстановкѣ дѣла; между ними часто встрѣчаются дѣла, гдѣ свидѣтельскія показанія дышатъ такимъ здравымъ смысломъ, проникнуты такою искренностью и правдивостью и нерѣдко отличаются такою образностью, что задача судебной власти становится очень легка. Остается сгруппировать всѣ эти свидѣтельскія показанія и тогда они сами собою составятъ картину, которая въ вашемъ умѣ создастъ извѣстное опредѣленное представленіе о дѣлѣ. Но бываютъ

дѣла другого рода, гдѣ свидѣтельскія показанія имѣютъ совершенно иной характеръ, гдѣ они сбивчивы, неясны, туманны, гдѣ свидѣтели о многомъ умалчиваютъ, многое боятся сказать, являя передъ вами примѣръ уклончиваго недоговариванья и далеко не полной искренности. Я не ошибусь, сказавъ, что настоящее дѣло принадлежитъ къ послѣднему разряду, но не ошибусь также, прибавивъ, что это не должно останавливать васъ, судей, въ строго-безпристрастномъ и особенно внимательномъ отношеніи къ каждой подробности въ немъ. Если въ немъ много наносныхъ элементовъ, если оно нѣсколько затемнено неискренностью и отсутствіемъ полной ясности въ показаніяхъ свидѣтелей, если въ немъ представляются нѣкоторыя противорѣчія, то тѣмъ выше задача обнаружить истину, тѣмъ болѣе усилій ума, совѣсти и вниманія слѣдуетъ употребить для узнанія правды. Задача становится труднѣе, но не дѣлается неразрѣшимой.

Я не стану напоминать вамъ обстоятельства настоящаго дѣла: они слишкомъ несложны для того, чтобы повторять ихъ въ подробности. Мы знаемъ, что молодой банщикъ женился, поколотилъ студента и былъ посаженъ подъ арестъ. На другой день послѣ этого нашли его жену въ рѣчкѣ Ждановкѣ. Проницательный помощникъ пристава усмотрѣлъ въ смерти ея самоубійство съ горя по мужѣ,—и тѣло было предано землѣ, а дѣло волѣ Божьей. Этимъ, казалось бы, все и должно было кончиться, но въ окологдѣ пошелъ говоръ объ утопленницѣ. Говоръ этотъ группировался около Аграфены Суриной, она была его узломъ, такъ какъ она, будто бы, проговорила, что Лукерья не утопилась, а утоплена мужемъ. Поэтому показаніе ея имѣетъ главное и существенное въ дѣлѣ значеніе. Я готовъ сказать, что оно имѣетъ къ сожалѣнію такое значеніе, потому что было бы странно скрывать отъ себя и недостойно умалчивать передъ вами, что личность ея не производитъ симпатичнаго впечатлѣнія, и что даже, взятая внѣ обстоятельствъ этого дѣла, сама по себѣ, она едва ли привлекла бы къ себѣ наше сочувствіе. Но я думаю, что это свойство ея личности нисколько не измѣняетъ существа ея показанія. Если мы на время забудемъ о томъ, *какъ* она показываетъ, не договаривая, умалчивая, трусая, или скороговоркою, въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ высказывая то, что она считаетъ необходимымъ рассказать, то мы найдемъ, что изъ показанія ея можно извлечь нѣчто существенное, въ которомъ должна заключаться своя доля истины. Притомъ, показаніе ея имѣетъ особое значеніе въ дѣлѣ: имъ завершаются всѣ предшествовавшія гибели Лукерьи событія, имъ объясняются и всѣ послѣдующія,— оно есть, наконецъ, единственное показаніе очевидца. Прежде всего возникаетъ вопросъ: достоверно ли оно? Если мы будемъ опредѣлять достоверность показанія тѣмъ, *какъ* человекъ говоритъ,

какъ онъ держитъ себя на судѣ, то очень часто примемъ показанія вполне достовѣрныя за ложныя и, наоборотъ, примемъ оболочку показанія за его сущность, за его сердцевину. Поэтому, надо оцѣнивать показаніе по его внутреннему достоинству. Если оно дано непринужденно, безъ посторонняго давленія, если оно дано безъ всякаго стремленія къ нанесенію вреда другому, и если затѣмъ оно подкрѣпляется обстоятельствами дѣла и бытовою житейскою обстановкою тѣхъ лицъ, о которыхъ идетъ рѣчь, то оно должно быть признано показаніемъ справедливымъ. Могутъ быть невѣрны детали, архитектурныя украшенія, — мы ихъ отбросимъ, — но, тѣмъ не менѣе, останется основная масса, тотъ камень, фундаментъ, на которомъ виждутся эти ненужныя, неправильныя подробности.

Существуетъ ли первое условіе въ показаніи Аграфены Суриной? Вы знаете, что она сама первая проговорила, по первому толчку, данному Дарьею Гавриловою, когда та спросила: «не ты ли это съ Егоромъ утопила Лукерью?» Самое поведеніе ея при отвѣтѣ Дарьи Гавриловой и подтвержденіе этого отвѣта при слѣдствіи исключаетъ возможность чего либо насильственнаго или вынужденнаго. Она сдѣлалась, — волею или неволею, объ этомъ судить трудно, — свидѣтельницею важнаго и мрачнаго событія, она раздѣлила вмѣстѣ съ Егоромъ ужасную тайну, но какъ женщина нервная, впечатлительная, живая, оставшись одна, она стала мучиться, какъ всѣ люди, у которыхъ на душѣ тяготѣетъ какая-нибудь тайна, что нибудь тяжелое, чего нельзя высказать. Она должна была терзаться неизвѣстностью, колебаться между мыслью, что Лукерья, можетъ быть, осталась жива — и гнетущимъ сознаниемъ, что она умерщвлена, — и поэтому-то она стремилась къ тому, чтобы узнать, что сдѣлалось съ Лукерьей. Когда все вокругъ было спокойно, никто еще не зналъ объ утопленіи, она волнуется какъ душевно больная, — работая въ прачешной, спрашиваетъ поминутно, не прошла ли Лукерья, не видали ли утопленницы. Безсознательно почти, подъ тяжкимъ гнетомъ давящей мысли, она сама себя выдаетъ. Затѣмъ, когда пришло извѣстіе объ утопленницѣ, когда участь, постигшая Лукерью, опредѣлилась, когда стало ясно, что она не придетъ никого изобличать, — бремя на время свалилось съ сердца и Аграфена успокоилась. Затѣмъ опять тяжелое воспоминаніе и голосъ совѣсти начинаютъ ей рисовать картину, которой она была свидѣтельницею, и на первый вопросъ Дарьи Гавриловой она почти съ готовностью высказываетъ все, что знаетъ. Итакъ, относительно того, что показаніе Суриной дано безъ принужденія, не можетъ быть сомнѣнія.

Обращаюсь ко второму условію: можетъ ли показаніе это имѣть своею исключительною цѣлью коварное желаніе набросить преступную тѣнь на Егора, погубить его? Такая цѣль можетъ быть